

АРСЕНИЙ ГУЛЫГА В ПРИЗРАЧНОМ МИРЕ БЮРОКРАТИИ

Франц Кафка и его роман «Замок»¹

Оковы страдающего человечества сделаны из канцелярской бумаги.

Франц Кафка

В рассказе Анны Зегерс «Встреча в пути» описано удивительное событие: в одном из пражских кафе встретились Э. Т. А. Гофман, Гоголь и... Кафка. Историческая перспектива сдвинута, прошлый век наложен на начало нынешнего — литературный прием тем более оправданный, что речь идет о писателях, охотно прибегавших к аналогичным приемам. Герои, естественно, ведут разговор о литературе. Гофман упрекает Кафку в схематизме: «У Вас, опасаясь я, нет людей из плоти и крови, с плохими или хорошими качествами. Вашим созданиям ведомо только одно определенное чувство, которое время от времени может возникнуть у каждого... Ваши люди выдуманы, чтобы быть носителями этих чувств». А вот более серьезное замечание, касающееся уже не формы, а содержания творчества, своего рода исповедь Кафки: «Я застенел в смертельном страхе: Распалась монархия Габсбургов, а я думал только о себе. Масарик занял Градчаны. А я думал только о себе. Революция неслась по странам. А я думал только о себе». Читатель,

¹ О творчестве Кафки см.: Е. Книпович. Франц Кафка. «Иностранная литература», 1964, № 1; Б. Сучков. Лики времени. М., 1969; Д. В. Затонский. Франц Кафка и проблемы модернизма. Изд. 2-е. М., 1972. (Здесь и далее прим. автора статьи.)

только что перевернувший последнюю страницу «Замка», находящийся под свежим впечатлением от романа, не может не согласиться с тем, что здесь схвачены существенные моменты, хотя самобичевание Кафки выглядит утрированным. Разговор писателей идет на равных. Зегерс видит в Кафке преемника Гофмана и Гоголя, который «расплачивается по их счетам». Эта метафора реализована вполне в духе Кафки: в заключительной сцене, когда кельнер приносит счет. Царские рубли Гоголя потеряли цену, прусские талеры Гофмана тоже не в ходу, за угощение платит Франц Кафка. Упоминается в рассказе и «Замок». Кафка как раз работает над романом, когда в кафе приходят его собеседники. Он рассказывает о своем замысле, и Гофман интересуется, не имеет ли автор в виду пражский Град, где разместилось правительство Масарика. Кафка отвечает: «Нет, об этом я не думал».

Ответ примечателен. Первое, что следует усвоить читателю «Замка», — действие романа происходит в Австро-Венгрии до ноябрьской революции 1918 года. Кафка родился и вырос в Праге при Габсбургах, здесь сформировалось его мировоззрение, здесь прошла большая часть его жизни. И о чем бы ни писал Кафка, как бы абстрактны ни были ситуации в его произведениях, в них всегда в той или иной степени угадываются реальные черты жизни габсбургской монархии. Другое дело, что распад одного империалистического государства помог ему подметить, почувствовать, пережить некоторые явления, характерные для гибнущего империализма, которые проявились в полной мере лишь в последующую эпоху. Но такова уж судьба художника.

На политической карте Европы «двуединая» австро-венгерская монархия являла собой уродливый и уникальный анахронизм. Это был не союз двух государств и не две части одного государства. Австрийский кайзер одновременно выступал в роли венгерского короля. Иностранцы державы имели дело с Австро-Венгрией, но подданство было либо австрийским, либо венгерским, во внутренних делах сохранялась полная са-

мостоятельность. Существовало два парламента, каждый из них выделял «делегацию» для контроля за общими министерствами (внешние сношения и вооруженные силы). Делегации заседали попеременно в Вене и Пеште, но никогда совместно — общались друг с другом только с помощью переписки.

В качестве венгерских королей Габсбурги носили титул «апостолических величеств» и видели в католицизме одну из главных опор своего благоденствия. Но главный культ, обязательный для подданных многоконфессиональной монархии, где были представлены все европейские верования вплоть до мусульманства, выглядел иначе. Имя ему — чиновничество. В бесчисленных департаментах, ведомствах, канцеляриях священнодействовали подлинными вершителями судеб огромной державы. Здесь был свой ритуал, свой намертво заведенный порядок, свой язык. Этот призрачный мир канцелярских бумаг редко соприкасался с реальной действительностью, главным образом тогда, когда на горизонте мерещилась угроза параграфам закона или предписаниям начальства, когда надо было применять насилие. Законов в Австро-Венгрии издавалось великое множество — трудно было найти законника, знавшего их все.

Кафке рано пришлось столкнуться с социальными коллизиями. В детстве он часто бывал в деревне Воссек, откуда родом был его отец, где жил его дед, видел нужду чешских крестьян под гнетом немца-помещика. Ситуация, воспроизведенная в романе «Замок», где, по-видимому, и описан замок Воссек. По другой версии — это замок Фридланд; по меньшей мере подюжинины чешских деревень — бывших немецких поместий, где когда-либо оказывался Кафка, — претендуют на то, чтобы считаться прообразом селения, описанного в романе, по этому поводу возникла даже специальная дискуссия; но главное, конечно, состоит в том, что в романе воссоздана характерная картина: помещицья административная камарилья, с одной стороны, и бесправные чехи-крестьяне — с другой.

В торговом предприятии отца-деспота, третиовавшего своих служащих, Кафка видел, как складываются отношения между людьми в буржуазном мире. «Вещи, которые вначале мне казались естественными, мучили меня и внушали стыд, особенно твое обращение с персоналом... — писал он впоследствии отцу. — Ты называл служащих «оплачиваемыми врагами».

В 1906 году Кафка заканчивает университет и защищает диссертацию. Доктор права Франц Кафка работает в суде, страховом обществе, а в 1908 году становится чиновником ведомства по страхованию рабочих от несчастных случаев на производстве. Его обязанности состояли в контроле за техникой безопасности, он добросовестно их выполнял и сравнительно быстро продвигался по службе; к выходу на пенсию (1922) Кафка уже занимал высокий пост.

Работа в страховом ведомстве раскрыла писателю глаза на язвы капиталистического производства. Как и на предприятии отца, симпатии Кафки — на сто-

роне угнетенных. «Как скромны эти люди, — говорил он своему другу, — они приходят к нам с просьбами. Вместо того чтобы штурмовать нашу контору и разнести ее вдребезги, они приходят с просьбами»². А вот запись из дневника с характерной для Кафки острой реакцией на происходящее: «Расплакался, читая отчет о суде над двадцатитрехлетней Марией Абрахам, которая из-за нужды и голода задушила мужским галстуком, служившим ей подвязкой, своего девятимесячного ребенка Барбару. Весьма типичная история»³.

Кафка, разумеется, был способен и на другие проявления чувств. Нравы австрийского чиновничества вызывали у него издевательский смех. Однажды, рассказывает Кафка в письме к невесте, на торжественном приеме у главы учреждения, его стал разбирать хохот. Три сотрудника, в том числе и писатель, получили повышение и явились в черных костюмах благодарить начальство. Старший из них произнес речь. «Президент слушал в своей обычной, вероятно смешной позе, которую он принимает в торжественных случаях и которая немного напоминает нашего императора во время аудиенций. Ноги скрещены, левая рука сжата в кулак и опирается о край стола, голова слегка наклонена, так что седая борода упирается в грудь, при этом он слегка покачивает хотя и не очень большим, но все же достаточно выдающимся животом. Я был тогда, наверно, в веселом настроении, так как поза директора, мне хорошо известная, сама по себе не могла вызвать приступы смеха, которые стали меня одолевать и которые я пытался маскировать покашливанием, тем более что директор не подымал глаз. Когда речь кончилась, президент поднял голову, тут меня на мгновение охватил ужас, так как теперь он мог видеть мои гримасы и сообразить, что издаваемые мной звуки не были кашлем. Затем он заговорил; это была ответная речь, обычная, всем известная, типично императорская, абсолютно нелогичная и бессмысленная. Мои коллеги искоса бросали на меня тревожные взгляды, и хотя я пытался себя успокоить, но все это меня опять так рассмешило, что я уже не мог больше сдерживаться. Сначала пытался хохотать только по поводу мелких содержащихся в речи шуток, которые у нас принято встречать выражением почтения на лице, но затем уже ржал без остановки... Наступила всеобщая растерянность, только президент сохранял еще относительное спокойствие. Большой человек, он привык ко многому на свете, но не мог допустить даже возможности неуважительного отношения к себе». Однако в конце концов сановный чиновник смешался. «С присущей подобного рода людям способностью сглаживать острые углы, он произнес какую-то фразу, которая кое-как объясняла мои пароксизмы сказанной им шуткой. Затем он поспешно отпустил нас. Непобежденный, содрогаясь от хохота, до смерти несчастный, я первым выле-

² M. Brod. Franz Kafka. Frankfurt/Main, 1963, S. 87.

³ F. Kafka. Tagebücher. N. Y., 1949, S. 307.

тел из кабинета»⁴. Отголоски этого смеха слышны во многих произведениях Кафки, где речь идет о бюрократии, в первую очередь в «Замке».

В предвоенные годы Кафка — частый гость в доме Берты Фанта, где собиралась пражская интеллигенция, где бывали А. Эйнштейн, Ф. Франк. Здесь изучали «Феноменологию духа» Гегеля, «Критику чистого разума» Канта, спорили о психоанализе и теософии, слушали лекции по теории относительности. Кафка посещает и социалистические кружки, которые позднее вошли в состав КПЧ. Писатель знакомится с Ярославом Гашеком и Станиславом Косткой Нейманом — одним из будущих основателей компартии. Произведения Кафки привлекают внимание Неймана, который публикует их в переводе на чешский.

Когда началась первая мировая война, Кафка не был призван на военную службу как чиновник, занимавший ответственный пост. Впоследствии у него возникла мысль отправиться на фронт, но не по патриотическим соображениям, а чтобы вырваться из жизненных неурядиц. К войне и милитаризму он питал нескрываемое отвращение. С неприязнью наблюдал писатель за взрывом националистических страстей, охвативших австрийскую буржуазию. Среди записей военных лет можно найти иронические зарисовки надутых прусских офицеров, заметки об австрийских поражениях, рассказы очевидцев об ужасах войны, но нет ни следа русофобства; более того, увлеченный русской культурой, Гоголем, Достоевским, Толстым, Кафка с исключительной симпатией отзывался о нашей стране.

Писать Кафка начал еще на университетской скамье. Его первые произведения увидели свет в 1909 году. С тех пор почти все свободное время он уделяет литературному творчеству. После службы, которая заканчивалась в два часа дня, он приходил домой и ложился спать, а вечером для него начинался новый «рабочий день» — он садился за письменный стол, из-за которого вставал лишь поздно ночью, а иногда под утро. Переутомление и бессонница были естественным следствием подобного образа жизни.

Литература стала его призванием, но Кафка долго не находил в себе сил порвать с опостылевшей службой. Родители хотели, чтобы свободное время он уделял торговому предприятию отца. Мысль о необходимости заниматься коммерцией чуть не доводит писателя до самоубийства. Кафка в отчаянии от «ужасной, двойной жизни, из которой, по-видимому, есть только один выход — сумасшествие»⁵. Ясности рассудка он, правда, никогда не терял, но к тридцати четырем годам уже был болен туберкулезом.

Формально Кафку можно отнести к плеяде немецких писателей Праги (Рильке, Мейринк, Верфель, Киш, Брод), но они имели между собой мало общего, а Кафка в отношениях с ними (кроме Брода, частично Верфеля) держался особняком. Вообще духовное одиночество с годами все больше ста-

новилося его уделом. Об этом красноречиво пишет Г. Андерс: еврей Кафка был чужим в христианском мире; еврей-атеист, он не был вполне своим среди евреев. «Уроженец Чехии, он не был своим в Австрии. Чиновник страхового ведомства, он не был вполне буржуа. Сын буржуа, он не был вполне трудящимся. И службе он принадлежал не полностью, так как чувствовал себя писателем... А дома, сообщал он отцу своей невесты: «я более чужой, чем любой посторонний»⁶. Здесь, конечно, многое преувеличено, но все же суть схвачена верно, и это дает возможность понять некоторые психологические мотивы, заставлявшие писателя смотреть на жизнь как бы со стороны, глазами чужака, остро подмечать ее противоречия и нелепости.

Заветной мечтой Кафки было создать свою семью, воспитывать детей. Он дважды был помолвлен с Фелицей Бауэр, но женитьба так и не состоялась. «Главным, что удержало меня, были соображения относительно моей литературной работы, так как я думал, что брак ей помешает». Но гораздо убедительнее звучит другое место из дневника, где писатель жалуется на то, что никто из близких по-настоящему не может его понять и его невеста «не понимает, пожалуй, равным счетом ничего»⁷.

Помолвка с Юлией Вохрызек была также расторгнута. Вскоре после того как она состоялась, Кафка познакомился с Миленой Есенской — журналисткой и переводчицей его произведений на чешский язык. Этой женщине суждено было сыграть значительную роль в его жизни. Их отношения не завершились браком потому, что Милена не нашла в себе сил оставить мужа.

(Сюжетная линия романа «Замок», К. — Фрида, в известной мере отражает историю взаимоотношений писателя и Милены Есенской; сюда врываются также явные реминисценции помолвки с Фелицей Бауэр. В образе Кламма биографы усматривают некоторые черты мужа Милены, каким он представлялся Кафке. Юлия Вохрызек — прототип Ольги.)

Только за год до смерти он встретил девушку, которая фактически стала его женой. Официальной регистрации брака помешало противодействие отца Доры Димант, для которого Кафка не был достаточно благочестивым евреем⁸. Дора Димант оставалась с Кафкой вплоть до его последних минут. Они прожили вместе около года, ко времени их знакомства Кафка был уже

⁶ G. Anders. Franz Kafka. Pro et contra. München, 1963, S. 18.

⁷ F. Kafka. Tagebücher, S. 365, 475.

⁸ О том, что Кафка и Дора Димант считали себя супругами, автору этих строк сообщил второй муж Доры, Людвиг Ласк. Вплоть до нового замужества Дора подписывалась двойной фамилией Димант-Кафка. В 1929 году она вступила в Коммунистическую партию Германии, после прихода фашистов к власти принимала активное участие в подпольной работе (в частности, переводила для нелегальной коммунистической газеты статьи из «Правды»). С 1936 по 1939 год жила в Советском Союзе, затем уехала в Англию, где скончалась в 1952 году.

⁴ F. Kafka. Briefe an Felice, Frankfurt/Main, 1967, S. 240.

⁵ F. Kafka, Tagebücher, S. 41.

обречен. Он умер 3 июня 1924 года в санатории Кирилинг (Австрия); похоронили его в Праге.

На смерть Кафки орган КПЧ «Руде право» откликнулся некрологом: «Скончался немецкий поэт, чуткий и чистый мыслитель, который, ненавидя этот мир, рассекал его острым скальпелем разума. Кафка раскрывает механизм общества, он видит нищету одних, власть и богатство других. В своих произведениях в сатирической художественной форме он атакует сильных мира сего»...

Томас Манн писал о романе «Замок»: «Я уже давно считаю, что это произведение... принадлежит к самым захватывающим явлениям в области художественной прозы. Фактически его нельзя ни с чем сравнивать»⁹.

Манн прав в том смысле, что нельзя найти в предшествующей литературе ничего подобного ни по творческой манере, ни по идейному содержанию; «Замок» — плоть от плоти своей эпохи. И вместе с тем этот роман определенным образом вписывается в чешскую литературную традицию. В частности, его можно сопоставить с «Бабушкой» Болены Немцовой.

По книге Немцовой в немецких гимназиях Праги изучали чешский язык, Кафка хорошо знал и любил творчество писательницы, несмотря на все различия их литературной манеры и взглядов на жизнь. В истории искусства нередки случаи, когда художник ценит больше всего мастера, составляющего его полную противоположность, он любит в другом то, к чему стремится, но не может достигнуть. Таково отношение Кафки к Немцовой.

В повести Немцовой, как и потом в романе Кафки, деревня и замок — два различных мира. Деревенским жителям, если они попадают в господские покои, трудно разобраться, что к чему: «Там не было никакого порядка. То бежит слуга в ливрее, то горничная вся в шелку, то идет разряженный пан — один, другой, третий... И все высоко задирают нос, и выступают, словно паны, котсрые одни имеют право гулять на лужайке. Если кто из них здоровался с бабушкой, бросив небрежно «гутен морген» или «бонжур», бабушка конфузилась и не знала, следует ли ей ответить «Во веки веков» или «Дай-то господи». Долго потом вспоминала она дома: «Ну, в этом замке суций содом!»

Но как легко устанавливаются связи между этими двумя мирами! Бабушка, приехавшая в деревню, при первой же встрече с помещицей-княгиней очаровывает ее; на следующий день она уже гостя замка, и до конца книги остается нерасторжимым этот союз двух добрых сердец. Как быстро наказывается здесь порок и торжествует добродетель! Некий итальянец (образ Сортини в «Замке»?) пристаёт к деревенской девушке, но парни быстро отжимают его, вымазав в дерте. Правда, в результате этой истории жених красотки попадает в солдаты, но княгиня, узнав подробности, немедленно соединяет влюбленных. У Кафки подобные прямые ходы исключены.

⁹ Th. Mann. Briefe. Berlin, 1965, S. 178.

И дело тут не только в различии мировоззрения и творческой манеры, но также и в различии исторических условий. Чехия 1855 года, когда была написана «Бабушка», и Чехия начала XX века, когда возникла «Замок», — тоже два различных мира. За эти десятилетия вся Европа сделала скачок в эпоху империализма, что означало для Чехии, для Австро-Венгрии в целом, обострение социальных противоречий, усиление административного гнета. В причудливой, предельно условной форме это нашло отражение в романе Кафки: Замок — символ подавляющей человека, разросшейся до гигантских размеров чиновничьей машины. Разветвленная сеть замковых канцелярий опутала Деревню. Жители Деревни подавлены, угрюмы, они боятся друг друга, с опаской смотрят на пришельцев. «Нам гостей не надо», — говорят здесь вновь прибывшему и стараются не иметь с ним дела. Все живут в страхе перед Замком и его обитателями. А там день и ночь кипит бумажная работа: учиняются расследования, составляются протоколы, фабрикуются циркуляры, ведется бесконечная переписка.

В романе есть примечательный эпизод. Дочь сапожника Ольга рассказывает о несчастье, свалившемся на ее семью. Сестра Ольги, Амалия, пригласилась одному из чиновников, Сортини, — лицу весьма важному. И вот его курьер принес письмо, составленное в непристойных выражениях, с требованием к Амалии немедленно явиться в деревенскую гостиницу. Возмущенная девушка тут же порвала письмо на мелкие клочки и бросила их, о ужас, в лицо посыльному — персоне официальной, находящейся при исполнении служебных обязанностей. Для Амалии и ее близких это стало началом конца. Вокруг семьи образовался вакуум — все отшатнулось от нее. Отец Амалии — процветающий ремесленник — остался без заказов, подмастерье покинул его, даже пожарная команда, образцовым членом которой он являлся, исключила беднягу из своих рядов. Несчастный в отчаянии обивает пороги приемных, дает взятки, молит о прощении. Однако перед ним стена; его не хотят слушать и выпроваживают вон с непонимающим видом.

Если верить чиновникам Замка, семейство Ольги само себе враг: никто его не собирался наказывать. Но в том-то все дело, что в обстановке произвола простой человек терроризирован атмосферой всеобщего подавления, дрожит, даже непосредственно не сталкиваясь с насилием. Замку не нужно ничего специально предпринимать: созданная им система срабатывает безукоризненно.

Сильнее всего действие этой системы сказалось в сознании самих пострадавших. Окружающие, первоначально в страхе отшатнувшиеся от семьи Ольги, в дальнейшем были готовы пойти навстречу. «И если бы мы, — рассказывает Ольга, — снова вышли на свет, оставили прошлое в покое, показали всем нашим видом, что мы замаяли это дело, не важно, каким именно способом, и убедили бы общественное мнение, что обо всей этой истории, в чем бы она ни заключалась, больше никогда не будет и речи, тогда все могло бы уладиться, люди поспешили бы навстречу с прежней готовностью,

и даже, если бы та история и не была окончательно забыта, люди поняли бы и это, помогли бы нам ее забыть. А вместо этого мы все сидели дома. Не знаю, чего мы дожидались». Самое опасное — это растление сознания, уничтожение человеческого «я», превращение личности в обезличенную козювку, процесс столь выразительно описанный Кафкой в истории, которая произошла с Грегором Замзой («Превращение»).

Растление не избирательно, оно охватывает буквально все сферы жизни, проникая даже в самое сокровенное — в отношения между полами. Надо сказать, что в мире, нарисованном фантазией Кафки, женщине отведено большое место. Кафкианский чиновник не бесчувственный механизм, это существо из плоти и крови, любви, правда, не ведающее, но обуреваемое похотью, которая мешаает ему спокойно сидеть за письменным столом. Только так можно объяснить поведение Сортини, потребовавшего Амалию к себе в гостиницу. О всемогущем Кламме говорится, что он командир над женщинами, он зовет к себе то одну, то другую и ни одну не терпит долго. Женщина — раба (при желании стать госпожой она должна перестать быть женщиной, это мы увидим далее), она не способна к борьбе.

Пытается поднять бунт буфетчица Фрида, очередная любовница «командира над женщинами» — Кламма. Едва познакомившись с землемером К., она отдается ему на порог комнаты своего могущественного любовника, и когда Кламм зовет ее, она стучит кулаком в его дверь и кричит, что она «с землемером». Но Фрида не может перестроить свои мысли и чувства. Она всюду по-прежнему видит Кламма и чувствует свою зависимость от него. Она не в состоянии понять К., его борьбу с Замком, ее цель — создать «очаг», в лучшем случае — куда-либо уехать. Убогими выглядят старания Фриды найти успокоение в браке и семье. Жизнь общества вторгается в ее личную жизнь. Как всегда у Кафки, эта метафора реализуется в гротескной ситуации: К. и его будущей жене негде жить, и землемер вынужден взять на себя обязанности школьного сторожа с правом использовать классное помещение для жилья после окончания занятий. Сцена утреннего пробуждения, когда спящих на полу влюбленных поднимают пришедшие в школу дети, когда разъяренная учительница линейкой сбрасывает с кафедры остатки ужина, — одна из наиболее остросатирических в романе. В конце концов, уставшая от мытарств, измученная ревностью, Фрида возвращается к прежней жизни.

Если Фриде нужна семья, чтобы оторваться от Кламма, забыть его, то хозяйка постоянного двора Гардена выходит замуж, чтобы помнить о Кламме (она три раза «была у Кламма»). В течение всей супружеской жизни Гардена обсуждает с мужем эти встречи, и брачное свидетельство ей дорого прежде всего тем, что на нем стоит подпись Кламма. Чиновник вызвал Гардену к себе через посыльного (Сортини пытался поступить аналогичным образом с Амалией, здесь так принято), и она хранит как самый дорогой сувенир фотографию — не

Кламма, об этом она не мечтает, — а его курьера.

Гардена живет воспоминаниями, а вот горничной Пеппи и вспомнить нечего. Она — неудачница; когда освободилось место Фриды в буфете, она с радостью спешит ее заменить, всюду, даже в постели Кламма; но, увы, чего-то в ней не хватает, и он остается к ней безучастным. И Гардена и Пеппи — абсолютные жертвы «сексуального отчуждения», принадлежать высокопоставленному чинуше для них высшее блаженство. «Вы думаете, что мы любим его как частное лицо?...» объясняет Гардена характер своего чувства. — Мы любим именно чиновника Кламма, и никого другого. Только чиновника, важного, самого важно-го чиновника Кламма».

Фрида пыталась вырваться, но безуспешно, столь же безуспешен и бунт Амалии — фактически просто безрассудная вспышка, о которой она сама даже три года спустя не может вспомнить без содрогания. Духовный мир Амалии в основе своей не отличается от того, чем живут другие женщины Деревни, а «женщины не могут не любить чиновников, когда те вдруг обратят на них внимание, более того, они уже любят чиновников заранее, хоть и пытаются отнекиваться». Да и домочадцы, хотя и находились словно в тумане, все же «углядели в Амалии какую-то влюбленность». И весь конфликт, следовательно, — почти что результат недоразумения. Во всяком случае так считает Ольга — сестра Амалии, самая умная из женщин, которые встречаются нам на страницах «Замка»; Ольга все понимает, понимает, что сопротивление Замку невозможно, что нужно ловчить. Она «пошла бы» к Сортини или по крайней мере сделала бы вид, что не смеет ослушаться, уклонилась бы от встречи, а потом с помощью «умнейших адвокатов» доказывала бы свою невиновность. Чтобы помочь семье, она не брезгает даже слугами чиновников и «по крайней мере дважды в неделю» спит с ними на конюшне. Секс здесь — разменная монета, которой оплачиваются услуги. Как полагается в мире отчуждения, плата взимается вперед. Ольга идет и на это, хотя ясно видит тщетность своих усилий: никто из любовников не пошевелит даже пальцем, чтобы сделать что-либо в Замке для нее.

И наконец, последний вариант «сексуального отчуждения» — учительница Гиза. Здесь все наоборот. Это тот случай когда женщина может стать не рабой, а госпожой. Гиза любит кошек, а не людей — и парадокс: лишенная женского обаяния, черствая Гиза покоряет сердце обитателя Замка Шварцера. Сын видного чиновника смиренно сидит у ее ног во время классных занятий, проверяет вместе с ней ученические тетради, вздыхает перед ее закрытой дверью.

Деперсонализацию сексуальных отношений, предсказанную Кафкой, реализовал фашизм, а вслед за ним и современная «цивилизация потребления». В третьей империи женщине была отведена чисто функциональная роль — быть средством развращения солдат, партийных бонз и чиновников фюрера, средством продолжения рода и «улучшения расы». После войны

Запад пережил «сексуальную революцию». Ее характерные проявления в общих чертах были предугаданы Кафкой.

Двадцатый век породил противоречивые тенденции в художественном творчестве. С одной стороны, появился повышенный интерес к внутреннему миру человека, к уникальным структурам и движениям души. Марсель Пруст особенно характерен в этом отношении. Его романы — нескончаемый «поток сознания», они переводят на язык рациональных формул тончайшие нюансы психики. Лишь в конечном итоге внимательный читатель Пруста может обнаружить, что авторский «поток сознания» течет в берегах, определяемых не только личностью, но и обществом. Кафка преследует иные цели, использует иные средства. Он обрушивает на читателя не «поток сознания», а «поток обстоятельств». Его внимание приковано не столько к внутреннему миру, сколько к тем условиям, которые этот мир формируют. В «Замке» мы не обнаружим детально выписанных, целостных картин человеческого поведения, но это не мешает автору сосредоточить внимание на отдельных сторонах человеческой психики, показать их как бы в «чистом виде». И эти абстрактные модели человеческого поведения раскрывают душу человека, утратившего в условиях бюрократизации свою целостность, превратившегося в функциональную единицу и растерявшегося перед лицом чуждой ему действительности.

Беда Кафки в том, что он, повторим слова Анны Зегерс, «закостенел в смертельном страхе». Но произошло это не потому, что он «думал только о себе» (писатель всегда думает о других), а потому, что не видел ничего, кроме уродующих условий бытия. Когда сравнивают Кафку с Достоевским, совершают большую ошибку; дело не в масштабах, а в характере дарования: русский классик никогда не терял веры в человека и его будущее, у пражского писателя такая вера отсутствует, перед его глазами мрак и пустота: «Мы находимся в положении пассажиров, попавших в крушение в длинном железнодорожном туннеле, и притом в таком месте, где уже не видно света начала, а свет конца столь слаб, что взгляд то и дело ищет его и снова теряет, и даже в существовании начала и конца нельзя быть уверенным... «Что мне делать?» или «Зачем мне это делать?» — не спрашивают в этих местах. Ответов на эти вопросы у Кафки не найти.

Неполнота, «абстрактность» образов Кафки открывают широкий простор для истолкований романа, обладающих той или иной степенью достоверности. Выше мы изложили собственную трактовку. Прислушаемся к другим. По мнению М. Брода, в основе «Замка» лежит иудаистская религиозная идея. «Что такое Замок с его странными делами, таинственной иерархией чиновников, их выходками и кознями, требованием (вполне оправданным требованием) безусловного уважения, безусловного повиновения?.. Этот Замок, в который К. не имеет доступа, к которому он непостижимым образом не может даже приблизиться, представляет собой то, что богословы на-

зывают «благодатью», божественное управление человеческой судьбой (Деревней)».

В мытарствах героя Брод видит олицетворение еврейской судьбы: «Это особое чувство еврея, который хочет пустить корни в чужой среде, который всеми силами своей души стремится к тому, чтобы сблизиться с чужими, полностью сравняться с ними, но безуспешно»¹⁰. С. Аверинцев явно имел в виду Брода, когда писал: «Трагедия иудаистского мифа, без сомнения, образует эмоциональный фон творчества Кафки, но как сделать ее предметом строгого анализа?»¹¹. Броду такой анализ не удался.

В. Эмрих подвергает концепцию Брода (в том числе — и его суждения о влиянии философии Кьеркегора на Кафку) еще более решительной критике. Он напоминает, что Кафка относился к Кьеркегору весьма критически, называл его книги «противными и отвратительными». Кафка действительно не кьеркегорианец. Он читал Кьеркегора, много размышлял над ним, но не разделял некоторых исходных позиций его философии. «Меня, — признавался Кафка, — не вела по жизни поникшая рука христианства, как Кьеркегора. И я не ловил разлетающиеся полы еврейского молитвенного плаща, подобно сионистам»¹². Стремление Брода истолковать роман в религиозном духе Эмрих называет «богохульством, оскорблением религии». Действительно, интерпретация Брода превращает «Замок» в антирелигиозную сатиру: чиновника при желании можно рассматривать как бога, но превратить бога в чиновника — до этого никто не додумался!

Взамен религиозного Эмрих предлагает свое, «метафизическое», истолкование романа. «Права на жизнь не существует, пока человек подчинен жизни... Право на жизнь открывает только смерть». По мнению Эмриха, своим романом Кафка хотел сказать именно это.

Каждый персонаж романа для Эмриха — аллегория, имеющая один определенный смысл. Так Кламм олицетворяет собой «индивидуальную силу любви», с которой К. ищет контакта, «стремясь превратить безличную любовь в индивидуальную». Коньяк Кламма, которого отведал К., дожидаясь чиновника у его саней, — это сказочное любовное зелье. Даже замковая бюрократия в глазах Эмриха обретает особый, «метафизический» смысл: «Бюрократический аппарат отражает бесконечные модификации земного бытия, находящегося в непрерывном движении. Его структура непрерывно меняется. Поэтому чиновники заняты бешеной работой, даже когда они устали или спят»¹³.

Если для Брода К. — законопослушный приспосабливец, то для Эмриха он — бунтарь; «в основе землемерных работ лежит революционная деятельность». В романе действительно с первых же страниц посвоему звучит тема борьбы. Взять хотя

¹⁰ M. Brod. Franz Kafka, S. 197.

¹¹ «О современной буржуазной эстетике». Выпуск 3-й. М., 1972, с. 116.

¹² F. Kafka. Hochzeitsvorbereitungen auf dem Zande, S. 121.

¹³ W. Emrich. Kafka. Frankfurt/Main, 1965, S. 410.

бы следующий отрывок: «Значит, Замок утвердил за ним звание землемера. С одной стороны, это было ему невыгодно, так как означало, что в Замке о нем известно все, что надо, и, учитывая соотношение сил, шутя принимают вызов к борьбе. Но с другой стороны, в этом была и своя выгода: по его мнению, это доказывало, что его недооценивают и что он будет пользоваться большей свободой, чем он предполагал». К. не собирается капитулировать перед Замком и не испытывает перед ним никакого страха. «У меня отвращение к любому допросу», — заявляет он и отказывается отвечать чиновнику, пытавшемуся составить протокол по поводу его поведения. И все же нельзя согласиться с Эмрихом. Борьба К. не деятельность революционера. Цель землемера сугубо личная — вырваться из одиночества, приобщиться к жизни других людей, стать полноправным членом общины, а вовсе не преобразовать ее.

Беда приведенных выше интерпретаций романа состоит в том, что их авторы подходят к «Замку» слишком умозрительно, стараясь усмотреть чуть ли не в каждой фразе скрытый однозначный смысл. Весьма нелепыми выглядят старания Н. Фюрста. По его мнению, постоялый двор «У моста» — это олицетворение протестантизма, а

гостиница «Двор господ» — католицизма; Амалия — олицетворение восточного еврейства, Ольга — западного¹⁴.

Между тем «Замок» не аллегория. Его персонажи, хотя и не претендуют на роль типических образов, отнюдь не предназначены служить шифром для обозначения каких-либо понятий. При чтении романа встает перед нами весьма условная, «очужденная», но по-своему выразительная картина бюрократизированного общества, вернее, некоторых его аспектов — подавления и растрепания личности.

Можно подумать, что роман написан в наши дни. Во всяком случае сегодня он звучит весьма злободневно: в нашем обществе развернулась борьба с бюрократизмом, и мы можем лишь приветствовать художественное обличение этой язвы современного человечества.

И нет нужды сетовать на то, что роман остался незаконченным. Отсутствие развязки не мешает восприятию книги — в своей незавершенности она предстает как своеобразный слепок действительности. Жизнь не имеет конца, и недописанный роман выглядит как сама жизнь.

¹⁴ N. Fürst. Die offenen Geheimtüre. Franz Kafka. Heidelberg, 1956, S. 23.